

Вадим Россман

В поисках русской идеи: платонизм и нео-евразийство

*Платон и Аристотель!
Не просто две системы,
а два особых человеческих вида,
скрывающихся под разными именами
и с незапамятных времён
враждебные друг другу.*
Генрих Гейне¹

Британский экономист Джон Менард Кейнс заметил в своё время, что все люди, даже самые практичные и вполне скептически относящиеся к миру идей, часто оказываются на практике неосознанными носителями или пленниками какой-нибудь неработающей экономической теории, часто к тому же не самой свежей.² То же самое можно сказать и о людях, которые с недоверием относятся к философии. Часто в самом своём недоверии они оказываются заложниками философии не самой новой и не самой отрефлектированной. Жертвами или заложниками философии оказываются также и целые цивилизации, в особенности те из них, которые на словах могут и не признавать особой значимости философии и власти её над собой и даже с пренебрежением к ней относиться. Так в казалось бы анти-философской американской цивилизации чрезвычайно важно влияние идей Джона Локка и прагматистов, а в фундаменталистском мусульманском мире, где философию отрицают во имя религии и предания, – влияние сравнительно недавних философских и политических анти-западных идей, связанных с мусульманством весьма косвенно. По раскройкам Локка и Монтескье американские отцы-основатели шили костюм американского законодательства и социальных институтов. В политической администрации США периода правления Буша значительное место занимали прямые ученики политического философа и скрытого анти-либерала Лео Штрауса. По рецептам Саида Кутба (Sayyid Qutb), вдохновлённым анти-колониалистской риторикой и европейскими критиками западной цивилизации (Мишель Фуко узнавал свой философский почерк в Исламской революции и политических акциях аятоллы Хомейни), действовали воздушные муджахеды, нанешие удар по торговому центру в Нью Йорке. Способность во-

¹ Heine H. Der Salon Bd. II: Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland. Berlin, 1835. Первоначально опубликовано в «Revue des deux Mondes», «De L'Allemagne depuis Luther» (November, 1834).

² Keynes J. The General Theory of Employment, Interest and Money. L., 1936. Ch. 26.

влекать человека в свои проблемы независимо от его воли, желания и даже сознания является одной из особенностей философии.

В данной работе мы будем обсуждать ту философию, которой удалось пленить русское национальное сознание и об истоках этой пленённости. Речь у нас в пойдёт о некоторых параллелях между фрагментами русской духовной конституции, которые запечатлелись в русской истории, и некоторыми мыслями и пассажами из диалогов Платона. На наш взгляд, именно перспектива платоновской философии позволяет более точно и органично по сравнению с альтернативными концепциями описать генеалогию Русской Идеи и понять природу многих менее значимых русских идей и идеек, в частности философию и практическую политику нео-евразийца Александра Дугина.

Александр Дугин, блестящий интеллектуал и ведущий теоретик современного евразийства, превратился сегодня из маргинального теоретика и публициста, в одну из важнейших фигур современной политической жизни и одного из самых заметных идеологов русского национализма. Если в 90-е годы он публиковался в основном в оппозиционных газетах и собственных журналах, где популяризировал идеи консервативной революции, то сегодня он стал крупной фигурой, которая неизменно принимает участие в научных дебатах в Российской Академии Наук, печатается в центральных средствах массовой информации, выступает на телевидении, является советником спикера Государственной Думы, созывает крупные международные форумы и конференции, даёт интервью центральным телеканалам, выступает со своими рубриками в молодёжных журналах. Он друг Военной Академии Генштаба и главного политтехнолога Кремля Глеба Павловского, основатель общественного движения «Евразия», в задачи которого входит подготовка аналитических справок по внешней политике для администрации президента, беседующий с православными иерархами, муфтиями и раввинами и лидерами многих национальных республик. Одним из секретов его популярности является не только потрясающий кругозор, оригинальность подхода к событиям, новая сетка экстравагантных политических категорий, но и способность объединить на общей платформе достаточно разнородные политические, религиозные и гражданские группы и партии. Если в 90-е году ему удалось внести значительный вклад в консолидацию красных и коричневых группировок, то сегодня субъектами консолидации для него становятся гораздо более значимые религиозные, социальные и политические образования. Он всем успел постучать в окно: и бывшим советским лидерам, и диссидентам, и художникам-авангардистам, и интеллектуалам, и генералам, и славянофилам старого образца, и представителям молодёжных субкультур и рок-музыкантам. Его способность создавать коалиции поистине уникальна. В условиях дезориентации и драматических когнитивных и моральных диссонансов пост-советского общества такая способность к построению новых коалиций и идеологий, а также политическая гибкость и ленинский дар быстрой смены лозунгов, оказались весьма востребованными. В немалой степени его успеху способствовал и новый нарратив евра-

зийской истории и глобальной борьбы континентов, который позволил раскрасить в новые краски старые, скудные и давно приевшиеся исторические ландшафты и сюжеты. Его новый геополитический нарратив также позволил вдохнуть новую жизнь в концепцию Русской Идеи. Ему удалось разбудить и чутко уловить многие платонические элементы в русской социально-политической конституции. Дугин пытается погасить когнитивные диссонансы в сознании пост-советского человека своим впечатляющим интеллектуальным синтезом: он и правый и левый, и консерватор, и пост-модернист, и православный-старообрядец, и коммунист, и авангардист, и продолжатель славных традиций Серебряного века, объединяющий в единой перспективе эзотерику, высокую культуру, славянофильство, консервативную революцию и описывающий в мистических тонах эпифеномены поп-культуры и фольклора, вписывая все эти разнородные и часто причудливые ингредиенты в единый контекст и находя каждому из этих элементов в нём своё почётное место. Именно его мы и будем иметь ввиду в качестве носителя новейшей версии Русской Идеи, которая как мы увидим ниже ведёт свою родословную от Платона.

Полемически огрубляя реальные контуры проблемы, можно сказать, что если судьбой Западной Европы и всего Запада стал Аристотель, то судьбой России стал Платон. На Западе учение Платона, безусловно, тоже играло самую значительную роль, но, в конце концов, «строить жизнь» здесь стали не по Платону, а по Аристотелю. Фома Аквинский включил Стагирита в христианский канон и сохранил его там своим авторитетом, несмотря на периодические протесты тайного платонического лобби. Это была своего рода первая, не окончательно ещё осознанная, реформация католической церкви. Во многом благодаря этому религиозному освящению, Аристотелю удалось подготовить практически все великие эпохи социальной и политической трансформации в Европе - Возрождение, Реформацию и эпоху Просвещения. Европейский Ренессанс тесно связан с новым семитическим открытием для европейцев наследия Аристотеля. В этом смысле можно сказать, что Ренессанс шёл в Италию из Кордовы и арабской Андалусии: именно с Иберийского полуострова аристотелизм постепенно проникает на европейский континент.

Недостаточно осознан и оценен также вклад Стагирита в европейскую научную революцию. Подъём новоевропейской науки в значительной степени был связан с возрождением именно аристотелевских стандартов и методов строгого логического мышления. Именно его идеалы доказательности и его интерес к эмпирическим наблюдениям вдохновляли многих новоевропейских учёных.

По всем этим причинам Аристотель гораздо более фундаментален для понимания судьбы Запада, в том числе и капитализма, чем протестантизм. Политические реформаторы эпохи Просвещения во Франции и отцы-основатели в США ссылались именно на его политические заветы, которые из глубины веков предвосхитили буржуазную республику. Если, по слову Хайдеггера, атомная бомба

взорвалась уже в поэмах Парменида, то конец средневековья и расцвет буржуазности уже закодированы в сочинениях Стагирита.

Восточная церковь, в противоположность Западной, успешно сопротивлялась аристотелевскому соблазну.³ Византийская теология строилась на святоотеческой традиции (патристике) и на трудах более поздних христианских богословов-платоников, Дионисия Ареопагита и Иоанна Дамаскина. Именно эти труды стали первыми образчиками философской мысли, ставшими популярными в России. В XIX веке труды Платона оказываются важным элементом консервативно-религиозной системы образования, а патристика становится для многих славянофилов своего рода точкой отсчёта для всей национальной традиции. Известный русский славянофил Иван Киреевский писал в этой связи: «В греческих мыслителях не только не видим мы особого пристрастия к Аристотелю, но, напротив того, в большей части из них замечаем явное предпочтение Платона - ... потому вероятно, что самый способ мышления Платона представляет более цельности в умственных движениях, более теплоты и гармонии в умозрительной деятельности разума. Оттого почти то же отношение, какое мы замечаем между двумя философами древности, существовало и между философией латинского мира, как она вырабатывалась в схоластике, и тою духовною философией, которую находим в писателях церкви восточной, особенно ясно выраженную в св.отцах...».⁴

В трудах русских философов серебряного века – от Соловьёва и Флоренского до Булгакова и Лосева – платонизм как будто возрождается к новой жизни. В основе большинства идей многих крупнейших русских религиозных философов нетрудно узнать слегка модифицированные нео-платонические концепции, от лица которых они часто критикуют новоевропейские философские идеи. Эта платоническая субстанция особенно очевидна в софиологии, которая стала краеугольным камнем самобытного русского философствования. В своём противостоянии философии и идеологии Запада, воплотившихся помимо всего прочего в философии Аристотеля и Канта, философия и идеология русского контр-Просвещения апеллирует прямо к Платону, иногда через голову православия и христианского канона.⁵ Вряд ли случайно и то, что главным и наиболее существенным направлением русской поэзии Серебряного века стал символизм, который можно назвать чистым поэтическим выражением платонизма. Особенно увлечение Платоном относится к младшим символистам, которые были сознательными соловьёвцами и платониками, провозглашающими, что в мире явлений присут-

³ Мысль о противоположности «восточной» платоновской и западной аристотелевской церкви проводит, например, лютеранский теолог Джон Дечоу. Dechow J. *Dogma and Mysticism in the Early Christianity. Epiphanius of Cyprus and the Legacy of Origen*. Macon, 1988.

⁴ Киреевский, И. Критика и эстетика. М., 1979. С. 219-220.

⁵ Иван Киреевский прямо связывал западный строй мышления с Аристотелем, усматривая его влияние и в «латинстве» и в схоластике, которая продолжает жить в западном позитивизме. Киреевский, И. «О необходимости и возможности новых начал для философии», В: Критика и эстетика. М., 1979. С. 303.

ствуют элементы абсолютного мира.⁶ Платонизм также занял ключевые позиции в русской и особенно в советской классической литературе, о чём речь пойдёт ниже.

В России платонизм, впрочем, проник гораздо глубже чисто религиозной и литературно-идеологической областей. Не будет большим преувеличением утверждение, что он превратился в русское бессознательное, - можно даже сказать вслед за евразийцами, бытовое, - вероисповедание. Так нео-платонизм вышел за пределы сферы идеологии и оказался воплощённым в самой структуре русского общества и государства. В наиболее чистом виде параллелизм между нео-платоническим видением вселенной и русским видением социально-политического космоса обнаруживается в сталинском СССР. Понимание ступеней «Небесной Иерархии» Дионисия Ареопагита проливает новый свет на политическую феноменологию Советской России. Так нетрудно заметить вполне очевидные параллели между ступенями Дионисия и политической онтологией сталинского Советского Союза. В этой системе координат категория Родины соответствует нео-платоновскому Единому («Умом Россию не понять»). Сам Сталин – это Логос или Нус. Партия – София или Мировая Душа. Тому, что Дионисий называет ангелическим миром, в СССР соответствовала советская Партократия (мир серафимов и херувимов). Его архангелы находят свою аналогию в рядовых членах партии. Советский народ воплощал ангелов. За пределами этой трансформированной небесной иерархии Псевдо-Диониса идёт падший (отпавший) и загнивающий мир материи, стран Запада, который только в той мере приобщён к благодати, в которой флюиды и эманации благодатной российско-коммунистической идеологии достигают его. Эманации эти имеют две формы, физическую и духовную: экспорт революции и экспорт идеологии. В свете этих идей становится более понятным мистический смысл некоторых популярных советских лозунгов, казавшихся когда-то профанными (например, «Народ и партия едины»). Не случайно Фёдор Степун писал когда-то о том, что «марксизм в России стал своего рода большевистским нео-платонизмом».

Конечно, вряд ли можно говорить о том, что в России больше, чем в Западной Европе, штудировали труды Платона. Как уже было сказано, платонизм проник в Россию в изобилии из религиозных византийских источников, где в силу ряда богословских причин вековечный философский спор между Платоном и Аристотелем инерционно разрешался в пользу первого.⁷ Тем не менее, следует

⁶ С точки зрения символистов символ есть потребность эйдоса выразить себя в ином. Символизм стал в России не одной из поэтических школ наряду с другими, но выразил магистральное национальное поэтическое направление подобно импрессионизму во Франции, экспрессионизму в Германии или кубизму в Чехословакии.

⁷ Достаточно вспомнить только несколько имён важных византийских платоников, которые заложили основы воинствующей анти-аристотелевской традиции. Это Михаил Псел (1018-1078), Георгий Плето (1355-1450), Василий Виссарион (1403-1472). Следует также добавить, что Аристотель был, по-видимому, отчуждён от Византии среди прочего и враждой и военными столкновениями с мусульманским миром, где в философии господствовал Аристотель. О роли аристотелевской традиции в арабской культуре см. Peters F. Aristotle and the Arabs: the Aristotelian

подчеркнуть, что особое знакомство с текстами платоновских диалогов не является необходимым условием для того, чтобы верить в платоническую сердцевину Русской Идеи. Ведь для того, чтобы быть платоником, чтение этих диалогов требуется не более, чем знание литературных жанров для того, чтобы говорить прозой. Феноменология русского платонизма выходит далеко за пределы тех рамок, которые пытались обозначить авторы чисто источниковедческих исследований работ Платона в России.⁸

Возможно, разбор некоторых «вопиющих» моментов совпадения магистральных идей Платона с кардинальными идеологическими конструкциями русской мысли – и в частности работ нео-евразийцев - позволит увидеть в новом свете причины мистического притяжения России к Платону, которое не исчерпывается чисто историческими причинами, и её бессознательного отталкивания от Аристотеля. Этот анализ позволит лучше понять в какой степени тот круг мыслей и представлений, который обычно ассоциируется с Русской Идеей, был выпестован и взлелеян Платоном, причём задолго до славянофилов и старых и новых евразийцев.

Теория эйдосов и теория форм

По всеобщему признанию центральная доктрина платонизма – это теория идей. В самой радикальной формулировке теория идей утверждает, что физические тела существуют только благодаря существованию соответствующих идей-эйдосов. Физические тела – только тени истинного эйдетического мира.

Другая известная идея Платона связана с противопоставлением тела и души. Тело у него – это темница души, нечто ей абсолютно инородное. Душа должна полностью контролировать чувства и противостоять им, так как они влекут её к материальному и низменному.

В духе этих двух платонических теорий в доминирующих течениях русской истории материя оказалась противопоставленной идеям и человеческие стремления - всему материальному. Вопреки генеалогической схеме, намеченной Энгельсом, русские большевики были наследниками «линии Платона», а не «линии Демокрита» (в данной статье можно было бы говорить о «линии Дионисия» и «линии Фомы»). В ходе революции они сражались на стороне духа и идеи про-

Tradition in Islam. NY, L., 1968.

⁸ Nethercott F. Russia's Plato. Plato and Platonic Tradition in Russian Education, Science and Ideology (1840-1930). Burlington, 2000. Помимо Владимира Соловьёва и Павла Флоренского Нethercott концентрируется главным образом на двух темах: он скупулёзно излагает консервативно-охранительную трактовку Платона (Василий Карпов) и её исторический контекст и пишет о платоновских вдохновениях русских философов права (Редькин, Чечерин, Новгородцев).

тив всего материального: социальных классов, богатства, доминанции экономических интересов, чувственности, материальных привязанностей. По сути, материализм русских революционеров был крайне поверхностным. В этом смысле гностический бунт против материи Октября 17-го стал квинтэссенцией всей русской истории. Платон так и не смог найти правителя в Греции, который попытался бы воплотить его идеалы. Советская Россия стала первой и единственной инкарнацией его проектов. Возможно, существует какая-то мистическая связь между датой октябрьского переворота и днём рождения Платона, который тоже пришёлся на 7 ноября. Именно эту дату рождения упоминает флорентийский философ Марселио Фичино в своём комментарии к «Пиру».⁹

В противоположность Платону Аристотель был более сдержан в оценке значимости идей. Он отменяет концепцию первичности идей и заменяет её на более сбалансированную концепцию их соотношения с вещами. Сама форма немислима без тела также как тело немислимо без формы. Идентичность вещи связана с обоими составляющими. Форма помещается не извне, а внутри самой вещи. Вещь стремится к её осуществлению.

Следуя той же линии, Аристотель упразднил идею враждебности души и чувств. Чувственные влечения – это не нечто внешнее душе, как у Платона; это – свойства самой души, неразумной её части. Тело – друг души.

В мире Платона бал правит онтологический иерархизм и концепция степеней бытия. Идеи у Платона более реальны, чем вещи и люди. Они у него не просто существуют: они являются высшей степенью бытия и нормативным стандартом для всех вещей.¹⁰ Конечно, для философа заявить, что мир состоит из идей также естественно как для военного сказать, что мир состоит из побед и поражений, а для торговца – что мир состоит из выгодных сделок и финансовых убытков. Менее естественно принять это идеалистическое отношение для целой цивилизации, которая только идеи и символы принимает всерьёз. В 1932 году русский физиолог Иван Павлов заметил по этому поводу: «Должен высказать свой печальный взгляд на русского человека - он имеет такую слабую мозговую систему, что неспособен воспринимать действительность как таковую. Для него существуют только слова. Его условные рефлексы координированы не с действиями, а со словами». Павлов имеет здесь ввиду как раз такие слова-идеи.¹¹ Но именно такая была ситуация в России, где верностью или приверженностью идеям долго мерили значимость и ценность человека. Такие же идеократические идеи мы на-

⁹ Эта дата, впрочем, нуждается в уточнении. Фичино вероятно опирался на известный фрагмент в тексте Диогена Лаэртского (Diogenes Laertius, книга 3), единственный античный текст, где идёт речь о дате рождения Платона. Фичиновский перевод древней датировки (Thargelion 7) в современную скорее всего ошибочен. Современные учёные считают, что эта дата относится к одному из весенних месяцев.

¹⁰ Крупнейший американский исследователь античной философии Грегори Властос считает фатальной ошибкой платоновской теории эйдосов введение концепции «степеней бытия» вместо разговора о «видах бытия». Vlastos G. Platonic Studies. Princeton, 1973.

¹¹ Один из героев романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» говорит по этому поводу: «Мы относимся к мыслям, как дикарь к стеклянным бусам».

ходим и в теории Дугина, который видит роль России в мировой истории именно в контексте доминирующих сверхличных идей и акцентирует идею иерархии.

В противоположность этому в мире Аристотеля вопрос о первичности материи или идей отодвинут на второй план. Формы утрачивают абсолютность эйдосов и кумиры отодвигаются на второй план. В мире форм идеи воспринимаются более прозаически.

Заметим в скобках, что сама концепция Русской Идеи имеет платоническое происхождение. Эта концепция предполагает, что русский народ может существовать только благодаря существованию идеи «русскости». Иначе он теряет свою идентичность и определённость. Русская Идея первична по отношению к конкретным русским людям, их материальным и психологическим интересам.

Первичность мира идей определяет отношение и интерпретацию всех остальных сфер: политики, морали, искусства, науки, эроса, логики и других.

Платоновская диалектика и аристотелевская логика

Платон не увлекался логикой и не знал её. Его сочинения демонстрируют развитие иной дисциплины, которую диамат в своё время обозначил как «субъективную диалектику». Эта дисциплина фокусируется на диалектике самого процесса познания, в котором сталкиваются различные аргументы и который позволяет вернуться на новом витке к старым идеям и определениям. Майевтика – органическая часть этого процесса. В «Государстве» Платон говорит, что мудрецу логика особенно не нужна, так как он схватывает идеи вещей интуитивно, через особого рода наитие. Мудрецам даже нет необходимости выдвигать гипотезы («Государство», 511в). Им доступно непосредственное знание, умозрение. В мире Платона истинное знание визуально и целостно – идея, которая очевидно связана с моделью знания архаичных мистериальных религий. К такому знанию не так просто прийти цепочкой косвенных умозаключений, которые по определению дробны. На помощь мудрецам приходит диалектика, которая позволяет им схватывать идеи мистическим образом и без лишних формальностей. Платон соединяет в своей философии просветительские рационалистические сократические идеи с идеями, которые он почерпнул из пифагорейско-орфической традиции и которые уходили своими истоками в шаманизм и древние мистерии.¹² Эта мистическая струя оказалась особенно созвучна славянофильству и идеологии Русской Идеи, которая часто полностью игнорировала сократическую составляющую платоновского мировоззрения. С идеалом такого мистического познания вероятно тесно связаны славянофильские идеалы «цельного» и «органического»

¹² См. Dodds E.R. *Greeks and the Irrational*. Berkeley & Los Angeles, 1959.

знания, которые противопоставлялись знанию аристотелевского типа, чисто теоретическому и разумному.¹³

Вся эта диалектика отходит не второй план у Аристотеля. Он противопоставил божественной диалектике прозаическую науку логики. Вместо интуиции и вдохновения Аристотель заговорил о формальных свойствах истинности, методике познания, типах силлогизмов и правильных аргументах. Примечательно, что аристотелева логика впервые попала в Россию поздно и контрабандой. Её в пересказе Моисея Маймонида (сочинение «Шмот га-гигайон» – «Слова логики») принесли в Россию «жидовствующие» только в XV веке.

В соответствии с линией Платона русское сознание очаровано диалектикой. Русские философы неизменно отдавали ей предпочтение, будь она представлена в платоновской или гегелевской формулировке. Вместе с Платоном они полагали, что истинное познание – познание платоновского типа, то есть визуальное и интуитивное, а не логическое. Русская модель познания, в том числе воплощенная в институционализированных формах, гораздо ближе к платоновской модели познания-восхождения, чем к современной концепции познания-анализа. Познание Платона является восхождением не только в структурном смысле – восхождением вверх ко всё более высоким абстракциям, но и восхождением в моральном смысле. Так Платон советует заниматься арифметикой «не по-торгашески», «не ради купли-продажи», а для того, чтобы «облегчить душе её путь к истинному миру» (VII, 525c-e).¹⁴ В этом платоновском познании можно усмотреть один из идейных истоков благоговейного отношения к бескорыстной и возвышающей душу теоретической науке в русской академической традиции, которой в России всегда отдавалось, по крайней мере, моральное предпочтение перед наукой прикладной.

Интересно также отметить, что Аристотель гораздо более благосклонно по сравнению с Платоном относился к роли личного наблюдения в системе аргументации и даже в некоторых случаях предпочитал эмпирические наблюдения абстрактным аргументам. Эта особенность его эпистемологии, которая, несомненно, была связана с его собственными занятиями систематика-классификатора и учёного-биолога, наверняка сослужила свою службу в период возникновения новоевропейской науки.¹⁵

Весьма примечательно также, что Платон в отличие от Аристотеля создаёт именно «тотальную науку» - различные разделы философии и науки у него ни-

¹³ «Писатели восточной церкви, - пишет Киреевский, - не увлекаясь в односторонность силлогистических построений, держались постоянно той полноты и цельности умозрения, которые составляют отличительный признак христианского любомудрия». Киреевский И. Избранные статьи. М., 1984. С. 219.

¹⁴ Платон. «Государство». Соч. в 4-х томах. т.3. М., 1971. С. 335.

¹⁵ В некоторых стандартных историях науки Аристотель ошибочно представляется чуть ли не как «учёный-вредитель» наряду с Птолемеем, а его система рассматривается как тормоз в развитии современной науки. Некоторые авторы даже говорят о его якобы враждебном отношении к эмпирическим наблюдениям, в то время как в действительности Стагирит сыграл поистине революционную роль в утверждении эмпирических методов в античной науке.

как не выделены, и различные сочинения разделяются не столько по своей предметной области? сколько чисто художественно и отчасти тематически. Такой же тотальный характер носят и многие русские науки, такие как всеобщая наука тектология Богданова, теософия Елены Блаватской или марксистская диалектика в ленинской интерпретации, которые как бы охватывают своими амбициями все возможные сферы знания и стремятся к экспансии во все сферы. Такой же тотальный характер носит и версия евразийства, предлагаемая Дугиным, который сравнивает себя со средневековым учёным, в занятиях которого органично сочетаются и перетекают друг в друга без всяких факультативных переходов метафизика, политика, религия, искусство, история культуры, литературоведение и наука в общей сетке геополитических характеристик и координат.

Две концепции государства

Обратимся к политике Платона и Аристотеля. В «Государстве» Платон разделяет всех граждан на три категории. Во главе государства находятся философы-цари, вооружённые правильной идеологией и абсолютным знанием. За ними следуют воины-стражи, призванные обеспечить безопасность граждан. После них идут ремесленники и торговцы. Нетрудно заметить, что пирамида власти Платона – это перевернутая пирамида власти западного общества. В капиталистическом обществе на вершине пирамиды располагаются торговцы (генеральные директора крупнейших корпораций); за ними следуют ремесленники (включая инженеров и программистов, автомехаников и бухгалтеров); за ними военные, и уже потом, в поддонных слоях общества, располагаются философы-цари и прочие гуманитарии. В противоположность западной пирамиде власти даже постсоветская русская иерархия сохраняет некоторую верность платоновской идее идеократии и воспроизводит платонову пирамиду в причудливых модификациях. Даже молодой и неопытный русский либерализм на определённых этапах своего развития пытался соблазнить народ не возможностью удовлетворения его скромных потребностей, а самой лучшей философией. Не случайно Зюганов и Жириновский, окликнутые Русской Идеей (а следовательно Платоном), сочли необходимым получить докторские степени по философии.

Политику от имени интересов граждан – причём не объективных, как у Платона, а субъективных – защищает Аристотель. Последнего принято считать идеологом аристократии. Так известный немецкий историк античности Теодор Моммзен назвал «Никомахову этику» «морально-политическим катехизисом аристократии». Действительно Аристотель во многом заслужил эту характеристику. Он идеологически обосновывает рабство и считает профессионализм чем-

то недостойным человека «по праву гордого». Тем не менее, в его политике, - а не только в мелкобуржуазном происхождении (он был сыном придворного лекаря), - очень много такого, что классики марксизма связывали с мелкобуржуазностью. Чего стоит, например, его любовь к компромиссам. Не случайно ранние идеологи буржуазии – Жан-Жак Руссо, Джон Стюарт Милль, барон де Монтескье и Алексис де Токвиль – сочли необходимым возродить многие его идеи. Некоторые современные либералы-республиканцы, такие как Ханна Арент и Чарлз Тайлор, опирались в своих построениях на Аристотеля больше, чем на самих отцов западного либерализма.¹⁶

Аристотель считает необходимым утверждение «среднего класса» и личное участие граждан в принятии решений и в управлении государством. Для своего идеального строя – «политеи» – он практически заимствует формулу власти и гражданства античных демократов – «управлять и быть управляемым», – внося в неё лишь незначительные поправки («Политика», 1275А). Такой тип управления естественно должен учитывать не только объективные интересы подданных (как, скажем, воспитание детей в семье), но и их субъективные интересы, ибо речь идёт об управлении свободными людьми (1259А).¹⁷ Цель государства состоит в достижении эвдемонии его гражданами, которая подразумевает реализацию человеческой сущности – сущности «политического животного» (1252В, 1278В). В противоположность Платону, Аристотель рассматривает граждан не с «функциональной» точки зрения по аналогии с различными частями души, а с точки зрения их интересов и воплощения этих интересов в государственных решениях. Свободного человека как раз и отличает от раба наличие таких «независимых интересов» («Политика», 1254А; «Метафизика», 982В). Одна из основных задач правительства – это примирение этих интересов, и она разрешается через поочередную вовлеченность граждан в процесс принятия решений. В «Государстве» Платона силой, сплывающей коллектив, являются идеи и вообще вся сфера идеологии. Власть принадлежит тем, кто имеет непосредственный доступ к эйдосам. Об этом же продолжают говорить сегодняшние нео-евразийцы – особенно друг и сподвижник Дугина Гейдар Джемаль - в своих теориях интеллектуальной элиты и строгой социальной иерархии. Всё платоновское государство вращается вокруг идей и воплощает самодержавие идеи. Напротив, в *политее* Аристотеля коллектив сплывающий общие интересы и общее благо всех граждан. Государство, о котором он ведёт речь в «Политике», построено таким образом на более «низменном», но более прочном фундаменте.

Аристотель более чем Платон интересуется теми институтами, которые смогли бы наиболее эффективно обеспечить движение к общему благу. Стагирит считает, что смешанная конституция – сочетание монархического, аристократи-

¹⁶ По поводу роли и места Аристотеля в современной либеральной идеологии см. Paden R. Liberalism and neo-Aristotelianism // International Studies in Philosophy. 1990. Vol.22. No.1. P. 51-58.

¹⁷ По этой причине жители монархических государств являются гражданами в неполном смысле.

ческого и демократического начал – должна стать тем инструментом, который позволит осуществить проект государства для среднего класса. Интересно отметить, что аристотелева идея смешанной конституции была воплощена в государственном устройстве Соединённых Штатов Америки. Отцы-основатели заимствовали формулировку и интерпретацию этой идеи у французского политического философа барона де Монтескье. Монархический принцип закреплён в президентской власти, аристократический – в Сенате, демократический – в Палате Представителей.

Интересно отметить, что Аристотель в противоположность Платону счёл необходимым отделить философию от политики. Платон опасался, что абстрактные философские интересы уведут интеллектуальную элиту полиса от практических и злободневных проблем его граждан. В противоположность этому Стагирит боялся, что применение абстрактных принципов без посредничества чиновников и оторванное от волеизъявления граждан, может привести к пагубным последствиям. Он также полагал, что философу нужны добродетели, принципиально отличные от тех, которых ожидают от политиков. Эти добродетели он называет дианоэтическими. Для занятий философией нужен досуг, а не министерский портфель. Вполне достаточно, если политики будут прислушиваться к философам, а не полностью им доверяться («Никомахова этика», 10:7).

Геометризм и биологизм

В этой связи интересно также обратить внимание на различия в самих стилях мышления Платона и Аристотеля, которые нашли отражение и в их политических взглядах. Платон мыслит геометрически и опирается на априорное знание. Все его сочинения наполнены геометрическими примерами и метафорами. Его политический проект изобличает в нём социального геометра. «Государство» Платона во многом напоминает модель небесной механики, где действующие агенты и силы не ведают тяготения, взаимодействия не замедляются трениями и социальный обмен происходит «бесплатно» и без бюрократических посредников и проволочек. Платон тщательно вычерчивает в своём «Государстве» возможные траектории социальных движений, треугольную иерархию политической власти, пропорции и формы диспозиции классов, прямые соподчинений и взаимодействий.

В этом геометризме платонизм родственен раннему большевизму с его тягой к строгим математическим и универсальным построениям. Не случайно симпатизировавшее большевизму новое советское авангардное искусство разрывает с пластической традицией во имя новой поэзии линий, треугольников и окружностей. Геометрическая платоновская стихия господствует в пропитанных больше-

вистской метафорикой и политикой русском конструктивизме, футуризме и даже в мистическом супрематизме, который стал временным попутчиком Советской власти.

В противоположность Платону Аристотель выступает в своей «Политике» как социальный биолог. Его идеи социального устройства основаны не на априорных геометрических соображениях и схемах, а на наблюдениях за реально существующими институтами, нравами и практиками конкретных сообществ. Его живо интересует история конституций различных греческих городов-государств, органика их жизни и традиций. Поэтому его рекомендации не имеют универсального характера и всегда снабжены оговорками как предписания осторожного врача. Сама природа нравственных проблем, пишет он в «Никомаховой этике», исключает математическую точность. Телос самих вещей делает вычерчивание траекторий излишним. При этом Стагирит опирается в своих рассуждениях на традицию, этос, здравый смысл, внутреннюю логику самих вещей. Так, например, в своём обсуждении проблемы гражданства он не ограничивается только сущностными и нормативными соображениями, но и уточняет их, обращаясь к законам и конституциям многих греческих городов-государств («Политика», 1275a33, 1275b9-12).

Геометризм Платона и биологизм Аристотеля можно связать со специфическими особенностями тех двух категорий, идеи и формы, которые легли в основу их философских систем. Уже сами эти метафизические категории, при всём их сходстве, уже напитаны противоположными политическими интуициями. Можно сказать, что аристотелевская концепция формы, вне зависимости от интенций своего создателя, в некоторых важных аспектах предвосхищает теорию «невидимой руки» Адама Смита и идеологию политического либерализма. Концепция формы предполагает способность вещей, людей и систем к самоорганизации. Вещи, движимые изнутри самих себя своей формой и телосом, не нуждаются во внешнем насилии для самореализации и развития. В противоположность биологической форме идея накладывается на материю извне. Эйдос предполагает иерархию, геометрический центр, стягивание вещей вместе, центральное администрирование и планирование. Форма индивидуализирует вещи; идея, напротив, собирает разрозненные вещи вместе. Идеалы русской соборности во многом родственны этим геометрическим стягиваниям и собираниям воедино, свойственные платоновским эйдосам.

Трансценденция Платона и телеология Аристотеля

В этике двух мыслителей мы обнаруживаем сходные расхождения, продиктованные разным толкованием соотношения между материей и духом. Этические

идеалы Платона трансцендентны. Платон предвосхищает в этом смысле христианство. Высшие моральные идеалы не создаются людьми; они не связаны с традициями и обычаями конкретных обществ. Эти идеалы вневременны и сверхчеловечны. Образец высшей морали представлен философами-царями. У них нет частной собственности и личных интересов; вся их жизнь посвящена служению идеалу; они жертвенны и самоотверженны. Нравственность чужда материальному началу и её наличие прямо пропорционально подавленности чувственных влечений. В законах необходимости не возникает, так как три добродетели, приличествующие каждому из сословий, – мудрость, мужество и воздержанность, – позволяют осуществить все те функции, которые обычно возлагают на юридическую систему.¹⁸ Русский идеал морали также трансцендентен и также основан на идее жертвенности. Русская мораль по сути распространяет мораль платоновских философов-царей на весь народ. Это как раз и есть та мораль за пределами мещанской буржуазной морали, мораль настоящего, неискажённого либерально-гуманистической болтовнёй, Раскольникова, о которой говорит Дугин.

Иначе у Аристотеля. Он полагает, что этика должна строиться не на трансцендентном, а на телеологическом принципе. Нравственность служит цели достижения счастья, эвдемонии, и является его необходимой составляющей. Цель государства как раз и состоит в том, чтобы создать наилучшие условия для реализации того потенциала, который уже содержится в человеческой природе.¹⁹ Чувственное начало не обязательно полностью подавлять, достаточно найти разумную меру участия в чувственных удовольствиях. «По праву гордый» не борется со своими чувствами, он просто знает им место. Чувственные влечения – части нашей души. Поэтому полное подавление чувственных влечений также вредно и безнравственно, как и бесконтрольное потакание им.

Добродетели также не должны противостоять материальному началу. Более того, определённый уровень материального достатка является даже необходимым условием не только для счастья, но и для полноценной нравственной жизни. Учение Аристотеля о золотой середине – о том, что добродетель занимает место между двумя крайностями и о том, что человек должен найти свою меру добродетели, которая всегда индивидуальна, – давно вызывало подозрения в буржуазности у исследователей трудов греческого философа. Не случайно также и то, что благоразумие (*phronesis*) оказывается у него (как позже *prudentia* у Фомы) не чем-то морально нейтральным, а одной из кардинальных добродетелей. И здесь Аристотель, нравственный герой которого «не холоден и не горяч» (во всяком случае, с точки зрения Русской Идеи и как раз эту фразу из Евангелия от Иоанна

¹⁸ Диоген смеялся над Платоном: сначала он написал «Государство» и только потом этому «беззаконному» государству понадобились «Законы» (название позднего диалога Платона). Действительно «Законы», вопреки многим комментаторам, знаменуют начительный «либеральный» сдвиг в мировоззрении Платона.

¹⁹ В противоположность этому цель платоновского государства – вне целей его граждан. По-видимому, оно существует только для того, чтобы поддерживать и воплощать главную добродетель – справедливость.

любит часто повторять Дугин), опять противоположен своему учителю (и русскому этосу), у которого добродетель – это всегда крайность. Так в этике Стагирит демонстрирует свою мелкобуржуазность – то есть склонность к компромиссам, как и во многих других частях своего учения.

Можно провести некоторые параллели и между концепциями сексуальной морали. В своей лестнице любви в «Пире» Платон показывает, что любовь поднимается от низших физических к высшим и чистым бестелесным формам. По существу Платон предлагает сублимацию полового эроса в более высокие его проявления. Чувственная любовь в этой системе оправдывается только как ступень развития божественной любви. Здесь Русский Эрос в интерпретации Дугина, который, впрочем, следует по пятам Юлиуса Эвола²⁰, опять солидарен с Платоном и противоположен западному христианству, где божественная и физическая любовь (*caritas* и *eros*) различаются не только количественно как у Платона, но и качественно. По правилам Русского Эроса всякая любовь деградирует, приобретая телесные формы. Василий Розанов обращал внимание в этой связи на особое целомудрие и «бестелесность» русского православия. Русские иконы гораздо целомудреннее католических: в них невозможно встретить даже образа кормящей грудью матери.²¹ Вся столбовая дорога русского эроса в философии и литературе – от Пушкина и Достоевского до Чайковского и Соловьёва - отмечена присутствием Платона.²² Платоническое сознание, нашедшее своё яркое воплощение в советском народном викторианстве, идентифицировало телесную любовь с блудом и противопоставило ей любовь идеальную, платоническую. Ну а Дугин прямо говорит о сублимации физической любви в политический импероустраительный эрос, Эрос Империи.

Евразийские идеалы Платона

Современные приверженцы евразийства исходят из предпосылки о непримиримом противостоянии сухопутных континентальных и морских цивилизаций в истории. Интересно, что у Платона можно найти некоторые идеи, весьма близкие этому геополитическому противопоставлению. Из этих идей он делает социальные выводы, сходные с выводами евразийцев. Так в «Законах» он пишет, что необходимо строить идеальное государство подальше от моря, дабы избежать раз-

²⁰ Evola J. The Metaphysics of Sex. NY, 1983. Интересно отметить, что на суде в послевоенной Италии по поводу сотрудничества с фашистами Эвола защищался цитатами из платоновского «Государства».

²¹ Розанов В. Церковь. М., 1992. С. 298-299.

²² Здесь специально стоит упомянуть работу Владимира Соловьёва «Смысл любви», которая оказала значительное влияние на Фёдора Достоевского и в особенности на «Братьев Карамазовых».

лагающего влияния торговли и коммерческой деятельности в целом на воспитание и нравы граждан. Идеальное государство должно быть континентальным, а не морским. «Близость моря хотя и дарует каждый день усладу, на деле это горчайшее соседство, – увещевает Платон. – Море наполняет страну стремлением нажиться с помощью мелкой и крупной торговли, вселяет в душу лицемерные и лживые привычки. Море делает граждан недоверчивыми и враждебными как друг другу, так и к другим людям». Продолжая эту мысль, он замечает, что в государстве не должно быть больших доходов, «доставляемых путём ремесел и ростовщичества» («Законы», VII, 705a). В «Государстве», как мы помним, он даже говорит о том, что использование в торговой деятельности может коррумпировать любимую им математику («Государство», VII, 525c). В общем, в городах морских и торговых идеального государства построить невозможно.

Аристотель, конечно, тоже не был «атлантистом». Он даже сомневался, что коммерческую деятельность можно совместить со статусом гражданина, ибо она в большинстве случаев связана с неэквивалентным обменом, то есть несправедливостью. Тем не менее, он был готов на компромисс с ценностями морских цивилизаций из прагматических соображений. «Удобнее для государства получать те необходимые продукты, каких у него нет, а излишек своих продуктов переправлять за границу», – так робко возражает Платону Аристотель, не упоминая, впрочем, нигде прямо своего всюду незримо присутствующего учителя и оппонента. «Ведь государство должно вести торговлю в своих собственных интересах... Во многих странах и городах существуют порты и гавани, которые прекрасно расположены по отношению к городу...и не слишком далеко от него отстоят». В этом же отрывке Аристотель настаивает на необходимости для государства иметь сильный морской флот и укреплять могущество на морях («Политика», книга VII).

Платонизм в русской литературе и политике

В связи с обсуждением политических концепций Платона и Аристотеля любопытно проанализировать манифестации платонизма в советско-российской политике. В этой важной области платонизм, очевидно, не имел себе никаких существенных альтернатив. В России никогда не существовало серьёзной и массовой оппозиции государственной власти, которая бы исходила из чисто прагматических, утилитарных, не-платонических, оснований. Реальными агентами и контрагентами советской политики выступали три течения, которые возрождались в разные исторические периоды под разными именами. Эти движения можно назвать правым, центристским и левым платонизмом. Центристский платонизм был воплощён в самом советском государственном и бюрократическом аппарате.

Левый и правый платонизм воплощались в двух ветвях диссидентского движения, утопически-западнической и традиционно-почвенной. Интересно заметить, что диссиденты в большинстве случаев (включая и их «западническое» крыло) исходили в своей критике существующего строя из совершенно платонических, крайне идеалистических и в ряде случаев вполне анти-либеральных, как это не парадоксально, соображений. В противоположность классическому либерализму советское диссидентское движение по сути осталось совершенно чуждым экономических программ и требований. Сквозь ветхий либерализм русско-советских диссидентов часто просвечивала мечта о платоновском государстве. Во многих аспектах даже идеи Сахарова и близких к нему диссидентов носили вполне платонический характер.

В качестве одного из примеров гармонического сосуществования официального центристского и правого платонизмов можно привести опыт взаимоотношений между открытым марксистским платоником Алексеем Лосевым и завуалированными платониками в официальной советской философии. Один из самых видных главнокомандующих советской философии академик Марк Митин благоволил Алексею Лосеву и даже представил его в Российскую Академию.²³ По видимому, он ощущал общие платонические основы советского и лосевского мировоззрений. Есть также указания на особое расположение и симпатию Льва Троцкого к отцу Павлу Флоренскому, который отвечал ему взаимностью, - возможный пример притяжения крайне левого и крайне правого платонизма.

Попытки возродить чисто платоническую политическую философию были предприняты и в пост-советскую эпоху, когда появилась необходимость в новом идеологическом фасаде для русской государственности. В этой связи в 1996 году был даже объявлен специальный конкурс на лучший проект русской идеи. В путинской России этот социальный заказ был наконец удовлетворён философией евразийства, категории и мифологемы которого проникли в *mainstream* политических и интеллектуальных дебатов.

Интересно отметить, что в России мир платоновских эйдосов и идеологии воплотился не только и не столько в конвенциональной философии, сколько в Литературе. В конце концов, идеи и идеология, воплощённые в художественном слове, вытеснили и съели саму литературу. Многие платонические идеи нашли отражение в лучших сочинениях Толстого и Достоевского. Марина Цветаева с гордостью писала: «Меня любил бы Платон».²⁴ Эстафету подхватила ранняя советская литература, особенно романы Николая Островского и Андрея Платонова. Платонизм принимает в некоторых из их сочинений радикальные и почти изуверски гностические тона. Чисто платонические идеи исступлённо высказывают герои Платонова. Другой пример того же рода – роман Николая Островского «Как закалялась сталь» и его герой Павка Корчагин.

²³ См. Кацис Л. Лосев, Соловьёв, Максим Горький. Ретроспективный взгляд из 1999 года // Логос. 1990. № 4.

²⁴ Цветаева, М. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997. С. 64.

Платонизм и национал-большевизм

Наиболее законченное современное воплощение некоторые идеи Платона получили в пост-советском национал-большевизме и нео-евразийстве, которые пронизаны чисто платоновскими идеями консервативной революции. Любопытно сравнить описание архетипического образа русского национал-большевика, в котором в концентрированном виде сосредоточены черты русского национального характера, данное нео-евразийцем Александром Дугиным, который обращается к читателю от лица Русской Идеи, с окончательной характеристикой Платона, которую даёт последний советский неоплатоник Алексей Лосев. С подсказки историка русской культуры Александра Эткинда Дугин выделяет четыре мотива в духовном портрете русского национал-большевика: заострённый эротизм, политический экстремизм, национализм и эзотеризм. Он – «национал-революционер, радикал и парадоксалист, художник, политик, заговорщик, мистик и...извращенец... Самых ярких русских гениев влечёт туда, где заговор, политический экстремизм, фанатический духовный поиск, сочетание народности и аристократизма, жестокости и сострадания...»²⁵ Теперь приведём завершающую фразу из лосевских «Очерков символизма», которые как бы подводят итог его исследованию: «Апологет монахов и философ полиции, защитник рабства и мистического коммунизма, профессор догматического богословия, гонитель искусств и наук, заклятый враг семьи и брака, душитель любви и женский эмансипатор, мистик-экстатик и блестящий художник, проповедник казармы, аборт и детоубийства, музыкального воспитания души, педераст, моралист, строжайший аскет и диалектик – вот что такое Платон».²⁶ Платон удовлетворяет всем критериям русскости, выдвинутым Дугиным: он и политический экстремист анти-либерал, и мистик-эзотерик, и сексуальный извращенец, и парадоксалист. Что же касается национализма, то Платон был черносотенцем хотя бы в том смысле, что ему казалось вредным присутствие чужеземцев и инакомыслящих в государстве. Необходимо препятствовать проникновению в государство первых и преследовать вторых. Не с лосевского ли Платона пишет свой образ истинного русского интеллигента национал-большевика, Дугин? Характеристика греческого мудреца, которую даёт нам Лосев, позволяет распознать в авторе «Государства» родоначальника той линии национал-большевизма, которую Дугин считает коренной русской традицией. В сравнении с Платоном Дугин выглядит даже несколько более либеральным и мягкотелым. В своих новейших программах он даже нашёл возможным реабилитировать евреев и неизменно приглашает раввинов в свой Всеевразийский Совет.²⁷

²⁵ Дугин А. L'Age D'Argent ou L'Age Mordore? // Тамплиеры пролетариата. М., 1997. С. 85, 87.

²⁶ Лосев А. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 904.

²⁷ По поводу трансформаций антисемитских идей Дугина подробнее см. Rossman V. Das Geopolitische Denken und Antisemitismus im postsowjetische Russland: Das «bewegliche» Vorur-

Мне могут возразить, что я отдаю ревнителям Русской Идеи слишком много. Платон заложил сами основы западной цивилизации. На это можно ответить, что, во-первых, не стоит недооценивать саму Русскую Идею. За ней стоит колоссальный исторический опыт традиционной земледельческой культуры, у истоков которой стоял Платон. Во-вторых, я отдаю Русской Идее только молодого Платона. Зрелый Платон дрейфовал в сторону Аристотеля. В «Законах» можно различить краткий проспект «Политики» Аристотеля. В поздних диалогах он заговаривает о несовершенстве человеческой природы, необходимости законов и участия граждан в управлении, разделит государство на имущественные классы, разуверится в возможности существования правителей, способных прямо схватывать идеи и презирать частный интерес.²⁸ Платон также отбросит свою изначальную идею о том, что у каждой вещи есть свой небесный прообраз. Он оставит небо только для математических объектов и моральных идеалов.

С другой стороны, мне могут возразить, что Аристотеля нельзя записывать в западники и союзники либерализма. Некоторым философам поправки Аристотеля к Платону кажутся незначительными. Так Карл Поппер, например, вписывал Аристотеля в родословную врагов «открытого общества». В дополнение он утверждает, что «аристотелевская мысль находится целиком под властью платоновской» и что Аристотель «как то свойственно посредственным писателям» занимается лишь «сухой систематизацией» своего учителя.²⁹ Действительно, платонические элементы – в том числе и некоторые авторитарные идеи – у Аристотеля вполне можно найти. Тем не менее, нет смысла мерить Аристотеля его просчётами и слабостями. Упрёк же в посредственности можно было бы просто оставить на совести Поппера, если бы он не был так красноречив. Если этот упрек и имеет смысл, то только в том смысле, что идеи Аристотеля не идут так явно вразрез со здравым смыслом, ни с нашим, ни с древнегреческим. И если Поппер считает критерием оригинальности философских идей конфликт со здравым смыслом, то Аристотеля действительно можно считать посредственностью и конформистом. Он действительно всегда пытался примирить свои идеалы и идеи с уже существующим и высказанным. И в этом он опять буржуазен. Но если попперовский критерий оригинальности действительно таков, то здесь он солидарен со своими врагами, оракулами и пламенными революционерами, Платоном и Марксом.

teil // Eigen- und Fremdbilder der Jüdischen / Ed. Ch. von Braun, E.-M. Ziege. Berlin, 2004.

²⁸ Во многих очерках истории платонизма «Законы» преподносятся как «старческая» работа Платона, где его ранние тоталитарные идеи доводятся до крайности и абсурда. Подобную точку зрения в числе прочих высказывал и Алексей Лосев. Однако некоторые недавние исследования позднего платонизма, и особенно «Законов», показывают, что поправки позднего Платона к политической философии «Государства» были весьма значительными и даже фундаментальными. «Небесная механика» раннего Платона сменяется здесь более реалистическими и более традиционными политическими рецептами «земной механики». Seung T. Plato Rediscovered: Human Value and Social Order. Lanham, 1996. «Законы» находятся как бы на пол пути между «Государством» и «Политикой» Аристотеля.

²⁹ Popper K. Open Society and Its Enemies. L., 1959. P. 284.

Вывод из моей статьи прост. Русская душа – платоничка. Если какие мудрецы и ответственные за русские беды, то это не мифические и анонимные Сионские Мудрецы, а мудрецы древнегреческие – прежде всего сам царь древнегреческих мудрецов Платон. Конечно, было бы заблуждением считать, что Россия обязана Платону только своими историческими тупиками и ошибками. Мир платоновских идей одухотворяет русскую литературу и многие лучшие проявления художественной и артистической русской психеи. Тем не менее, кажется, что время безальтернативного господства в России «линии Платона», особенно в сфере политики, подходит к концу. *Amicus Plato, magis amica veritas*, – как говорили вслед за Аристотелем древние римляне. Платон мне друг, но истина дороже.

Возвращаясь к Дугину и его теориям, можно сказать следующее. Во многом его нео-евразийский проект напоминает платоновскую революцию в Византии, которую осуществил византийский философ XV века Георгий Гемист Плетон (или Плифон) (1355-1450), который выдвинул идею идеального государства, сходную с платоновской. Это возрождение эллинских идей было сопряжено у него с призывами к средневековым грекам к единению против турецких завоевателей. Как и Дугин, Плетон уделял особое внимание географическим концепциям и открыл для итальянцев труды Страбона. Был политическим советником императоров Мануэля II и Иоанна VIII Палеологов и акцентировал идеи культа империи. Подобно тому, как Дугин пытается создать транснациональную правую коалицию, Плетон внедрил в окружение Медичи и основал платоновскую академию во Флоренции, пытаясь консолидировать здоровые силы Востока и Запада. Он пытался возродить древний дух традиционной цивилизации и через тысячу лет после Юлиана Отступника отодвинуть назад стрелку часов всемирной истории, воскресив религию богов и полубогов в виде выдуманного мистико-аллегорического культа и заменить христианскую религию фантастической смесью учений Зороастра, индийских брахманов, Платона, Порфирия и Прокла. Современники считали эту идею безумной. Дугин также пытается создать свой новый иконостас языческих богов и пантеон брахманов, состоящий из индийской и арабской мистики, суфизма, Рене Генона, Карла Шмитта, Юлиуса Эвола, Эрнста Юнгера и прочих представителей консервативной революции и привить их идеи к дичку доморощенного русского славянофильства и архаическим версиям евразийства. Дугин создаёт новый национальный миф, создаёт новый русский героический нарратив, новый эпос, и в результате этих сложных манипуляций поворачивает Россию назад лицом к Платону и его идеократическому государству.

Библиография

Barnes J. Aristotle and Political Liberty // Aristotle's «Politik» / Ed. G. Patzig. Göttingen, 1990.

Nethercott F. Endings and Ends in Early Soviet Philosophical Culture: Plato's Republic in a Bolshevik Utopia // Intellectual News: Review of the International Society for Intellectual History. 1999. Nos. 4-5. P. 55-61.

Paden, R. Liberalism and Neo-Aristotelianism // International Studies in Philosophy. 1990. Vol. 22. No. 1. P. 51-58.

Deutsch Kornblatt J. The Transfiguration of Plato and the Erotic Philosophy of Vladimir Solov'ev // Religion and Literature. 1992. No.2. P. 35-50.